

Роль документов Российского государственного архива новейшей истории в изучении международных отношений периода холодной войны

Калинин А.А.

Вятский государственный университет, Киров

В статье представлен обзор содержания основных фондов Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), в которых хранятся документы по внешней политике Советского Союза в годы холодной войны.

Цель данной публикации – раскрыть эвристический потенциал недавно рассекреченных документов РГАНИ как исторических источников, значительно расширяющих знание о различных аспектах советской политики в годы холодной войны.

Материал и методы. Основное внимание автор уделяет рассмотрению фондов Политбюро ЦК КПСС и Аппарата ЦК КПСС, а также личных фондов Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева и Генеральных секретарей ЦК КПСС Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова и К.У. Черненко. В фондах РГАНИ отложились не только партийные документы, но и материалы Министерства иностранных дел, Министерства обороны, Комитета государственной безопасности, «мозговых центров» СССР.

Результаты и их обсуждение. Наиболее полно в архиве представлены документы 1970-х гг. Автор пришел к выводу, что основными мотивами обращения Кремля к политике разрядки международной напряженности было желание снизить нагрузку на советскую экономику, связанную с гонкой вооружений, а также уменьшить противодействие внешнеполитическим акциям Советского Союза со стороны Соединенных Штатов в ключевых регионах мира. Принцип равенства оставался ключевой установкой в отношениях с США. Внешнеполитическое мышление советских руководителей представляло собой сплав марксистской идеологии и политического реализма. В 1970-е гг. в Москве были по-прежнему убеждены в исторической обреченности капитализма. Материалы РГАНИ подтверждают выводы историков об эволюции системы международных отношений в направлении многополярности еще в 1960–1970-е гг. Также рассекреченные архивные документы показывают, что уже во второй половине 1960-х гг. советские аналитики обращали внимание на нарастающее отставание Советского Союза от Соединенных Штатов в научно-технологической сфере, в итоге во многом предопределяющее судьбу мирового социализма.

Заключение. По мнению автора, в фондах РГАНИ хранится уникальное собрание архивных источников различного происхождения, комплексный анализ которых позволит представить «объемный» взгляд на историю холодной войны, изучать процесс принятия внешнеполитических решений в Советском Союзе, а также поможет в написании глобальной истории холодной войны.

Ключевые слова: холодная война, архивные документы, КПСС, советско-американские отношения, Л.И. Брежнев, Ю.В. Андропов.

(Ученые записки. – 2023. – Том 37. – С. 69–74)

The Role of the Documents of the Russian State Archive of Contemporary History in the Study of International Relations during the Cold War

Kalinin A.A.

Viatka State University, Kirov

This article provides an overview of the contents of the main collections of the Russian State Archive of Contemporary History (RGANI), which contain documents on the foreign policy of the Soviet Union during the Cold War.

The purpose of this article is to reveal the heuristic potential of the recently declassified documents of the RGANI as historical sources that significantly expand knowledge of various aspects of Soviet policy during the Cold War.

Material and methods. The author focuses on the funds of the Politburo and the apparatuses of the CPSU Central Committee, as well as the personal fonds of First Secretary of the CPSU Central Committee N.S. Khrushchev and General Secretaries

of the CPSU Central Committee L.I. Brezhnev, Y.V. Andropov and K.U. Chernenko. The fonds of the Russian State Historical Archive contain not only party documents, but also materials of the Ministry of Foreign Affairs, the Ministry of Defense, the Committee for State Security, and "think tanks" of the USSR.

Findings and their discussion. Most widely presented documents are those of the 1970s. The author concludes that the main motives behind the Kremlin's policy of détente were the desire to reduce the burden of the arms race on the Soviet economy and to ease U.S. opposition to Soviet foreign policy in key regions of the world. The principle of equality remained a key tenet in relations with the United States. Soviet leaders' foreign policy thinking was a fusion of Marxist ideology and political realism. In the 1970s, Moscow was still convinced of the historical doom of capitalism. The materials of the RGANI confirm the conclusions of historians that the system of international relations evolved toward multipolarity already in the 1960s and 1970s. Declassified archival documents also show that already in the second half of the 1960s, Soviet analysts pointed to the increasing gap between the Soviet Union and the United States in science and technology, which ultimately largely determined the fate of world socialism.

Conclusion. According to the author, the fonds of the RGANI hold a unique collection of archival sources of different origin, a comprehensive analysis of which will allow to present a "voluminous" view of the history of the Cold War, to study the process of foreign policy decision-making in the Soviet Union, as well as help to write a global history of the Cold War.

Key words: the Cold War, archival documents, CPSU, Soviet-American relations, L.I. Brezhnev, Yu.V. Andropov.

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 37. – P. 69–74)

Изучение советской политики в годы холодной войны требует обращения к фондам РГАНИ, расположенного в Москве. Архив был образован после национализации документов Коммунистической партии Советского Союза (КПСС) по указу Президента России от 24 августа 1991 г. и хранит документы бывшего партийного архива ЦК. Большая их часть датируется периодом с 1953 г. по конец 1980-х гг.

Цель данной публикации – раскрыть эвристический потенциал недавно рассекреченных документов РГАНИ как исторических источников, значительно расширяющих знание о различных аспектах советской политики в годы холодной войны.

Материал и методы. В основу статьи положены собственные архивные изыскания автора. При написании статьи автор использовал подходы «новой истории холодной войны», рассматривающей биполярную конфронтацию в широком международном контексте, не только как военно-стратегический, но и культурный конфликт.

Результаты и их обсуждение. В первые десятилетия работы архива исследователям был доступен ограниченный спектр документов по внешней политике СССР. Прежде всего, это материалы фонда 89 – коллекция копий документов, рассекреченных для Конституционного Суда РФ по «делу КПСС» в 1992 г. В настоящее время имеется возможность оценить полноту фонда, и приходится сделать вывод, что документы в нем представлены крайне выборочно, зачастую даже случайно.

В последние годы спектр доступных исследователям документов значительно расширился. Для изучения холодной войны особый интерес представляют несколько фондов РГАНИ. Это фонд 2 «Пленумы ЦК КПСС (1941–1991 гг.)», который содержит материалы Пленумов по международным вопросам (проекты докладов, протоколы заседаний, стенограммы, информационные сообщения и т.д.). Необходимо помнить, что стенограммы Пленумов ЦК не публиковались. Теперь же исследователи получили в свое распоряжение очень ценный исторический источник.

Стоит отметить, что в архиве наиболее полно представлены документы 1970-х гг. Обратимся к материалам майского 1972 г. Пленума ЦК КПСС. Для воплощения в жизнь курса на разрядку международной напряженности, Л.И. Брежнев очень нуждался в поддержке партийного аппарата. В своем выступлении Генеральный секретарь сформулировал «общий подход» Советского Союза к отношениям с американцами: «Чем устойчивее и нормальнее будут наши отношения с США, тем меньше будет угроза мировой ядерной войны. В районах, с которыми тесно связаны государственные интересы СССР... – будь то Европа, Азия, Дальний или Ближний Восток, – нам тоже приходится принимать в расчет как существенный фактор влияние США, основанное на их экономических и военных возможностях. Чтобы достичь целей нашей политики в этих районах, необходимо... нейтрализовать их противодействие внешнеполитическим акциям Советского Союза». Обосновывая необходимость достижения договоренности с американцами и ограничения гонки вооружений, Л.И. Брежнев подчеркнул, что «ухудшение советско-американских отношений заставило бы не только США, но и нас перебросить крупные дополнительные средства и ресурсы на военные нужды, на увеличение помощи союзникам. Напротив, нормализация этих отношений позволит нам выделять больше средств на решение задач нашего мирного строительства». Документы фонда определенно показывают, что внешнеполитическое мышление Брежнева представляло собой сплав марксистской идеологии и политического реализма: «Наращивание мощи Советского Союза делает реальным существенное улучшение советско-американских отношений на выгодной для нас основе», – подчеркивал он на Пленуме. «Есть старая пословица: когда садишься обедать с дьяволом, запасись длинной ложкой. Это тем более относится к американскому империализму, – садясь за стол переговоров с его лидерами, надо иметь "ложку" подлиннее. Другими словами, надо располагать достаточно крепкими позициями. Сила – это именно тот язык, который лучше всего понимают американские империалисты», – подчеркнул Генеральный секретарь

[1, л. 43, 44]. Л.И. Брежнев особо отметил, что, по оценкам Министерства обороны и Генерального штаба, намечаемое к подписанию соглашение о временном замораживании стратегического оружия «ничем не ограничивает наши возможности качественно совершенствовать это оружие, создавать новые, лучшие типы ракет» [1, л. 51].

Ценнейшим источником является фонд 3 «Политбюро ЦК КПСС (1952–1991 гг.)», ибо этот орган согласовывал важнейшие советские внешнеполитические акции. В фонде имеются и более ранние документы, в том числе раскрывающие некоторые аспекты взаимодействия держав Большой тройки в годы Второй мировой войны. Послевоенные документы фонда позволяют осветить сталинский период холодной войны. В фонде хранятся оригиналы документов под грифом «Особая папка», которые направлялись И.В. Сталину. Это письма, справки, адресованные Сталину, шифрограммы под грифом «Совершенно секретно», записи бесед и т.д. Знакомство с этими материалами поможет историкам оценить характер информации, на основе которой принимались решения лично Сталиным. Например, дело 117 описи 23 содержит материалы о взаимоотношениях Москвы с Коммунистической партией Греции. Открывает дело оригинал письма Г. Димитрова от 8 декабря 1944 г. на имя В.М. Молотова с просьбой дать указания в связи с просьбой греческой компартии о помощи. СССР в то время придерживался политики невмешательства в британскую «сферу влияния». Поэтому не случайна резолюция Молотова на документе, сделанная синим карандашом: «т. Сталину. Думаю, что не надо давать ответа по этому вопросу» [2, л. 1, 2]. В деле имеется сталинская телеграмма «тов. Вальтеру», т.е. югославскому лидеру И.Б. Тито, подписанная псевдонимом «Филиппов» [2, л. 22].

В фонде имеются протоколы заседаний Президиума и Политбюро ЦК КПСС, постановления, а также материалы к ним. Политбюро утверждало указания советским послам, переговорную позицию СССР, тексты посланий лидерам государств. Исследователям доступны записи некоторых заседаний, где обсуждались внешнеполитические вопросы. В частности, 26 мая 1961 г. Президиум обсудил предстоящую встречу Н.С. Хрущева с Дж. Кеннеди в Вене [3].

Очень содержательными являются материалы фонда 5 «Аппарат ЦК КПСС (1935–1991 гг.)», в котором отложились многочисленные дипломатические документы, поступавшие в ЦК КПСС: телеграммы, записки, справки, информации советских посольств, записи бесед советских дипломатов, политические письма и годовые отчеты посольств СССР в других странах, информационные материалы МИД СССР, Министерства внешней торговли СССР.

Большой интерес представляют имеющиеся в фонде документы советской разведки как информационного, так и аналитического плана. Анализ материалов Комитета государственной безопасности (КГБ) пока-

зывает, что советские разведчики стремились держать в курсе высшее руководство о важнейших изменениях в мире. Спецслужбы имели источники информации в среде иностранных журналистов, получали сведения о содержании частных бесед дипломатов, добывали документы иностранных государств, в том числе Госдепартамента и Минобороны США. Например, 19 июля 1968 г. КГБ направил информацию в ЦК КПСС о содержании справки профессора Массачусетского технологического института, консультанта Совета по планированию политики Госдепартамента У. Гриффита «США и СССР в Европе: перспективы на предстоящее десятилетие». Американский советолог обращал внимание на растущие возможности Москвы по осуществлению переброски обычных вооруженных сил на дальние расстояния, что позволяет ей вмешиваться в дела стран третьего мира в обход существующих западных союзов. Он предрекал вытеснение конфликтного потенциала на периферию системы международных отношений. В 1970-е гг., считал Гриффит, в Европе сверхдержавы будут поддерживать относительно стабильное военное равновесие, компенсируя нестабильность в третьем мире. Он также обращал внимание на существенное сокращение стратегического превосходства США: с 4:1 до примерно 2,5:1 [4, л. 11–26].

8 сентября 1972 г. КГБ направил информацию о содержании выступления заместителя госсекретаря США Дж. Ирвина перед группой видных американских промышленников. Важнейшим тезисом доклада стала мысль об эрозии биполярной модели мира: «Доминирующие позиции США и СССР в мире на протяжении 70-х годов будут постепенно ослабевать, в то время как позиции Японии, Китая, а также стран Западной Европы будут укрепляться». Ирвин обращал внимание слушателей, что в будущем «у европейцев и Советского Союза появятся общие интересы, и они выступят против некоторых положений торгово-экономической политики США, например, в области инвестиций». В то же время не исключено, что СССР и США могут совместно выступить против торговой политики ЕЭС. Ирвин отмечал «увеличивающуюся сложность и взаимозависимость в международных отношениях», предрекал уменьшение значения термоядерного оружия в связи с достижением стратегического паритета [5, л. 96–98].

В успех советско-американского саммита на высшем уровне, который состоялся с 22 по 30 мая 1972 г., внесли свою лепту и советские разведчики. В период визита президента Р. Никсона в Москву КГБ оперативно докладывал «наверх» свежую информацию. К 25 мая он установил ключевую роль помощника президента по вопросам национальной безопасности Г. Киссинджера в окружении Никсона. «После президента, – докладывал Комитет, – он является самым влиятельным лицом в американской делегации, фактически Киссинджер вырабатывает все документы принципиального характера, ежедневно обсуждает

с Никсоном ход и результаты встреч с советскими руководителями, высказывает суждения о линии поведения президента, дает рекомендации по поводу его дальнейших действий и помогает намечать тактику ведения переговоров. Установлено, что за время пребывания в Москве Никсон лишь с Киссинджером обсуждал наедине важнейшие вопросы, связанные с визитом... Группа Белого дома, которую возглавляет в Москве Киссинджер, игнорирует государственного секретаря США Роджерса и в целом Госдепартамент, считает его рутинной, бюрократической организацией» [5, л. 38–39].

11 июня 1972 г. КГБ СССР доложил в ЦК КПСС, что Никсон и его окружение «в основном довольны исходом переговоров». Советские аналитики обращали внимание на важность для действующего президента США внутривластных последствий визита в Москву: «В оппозиционных Никсону кругах (Демократическая партия, либеральные круги, антивоенные студенческие организации) вынуждены признать, что визит Никсона в СССР в значительной мере “подрывает основу для его критики” и поможет Никсону в определенной степени нейтрализовать остроту внутренних проблем» [5, л. 58–74].

Во второй половине 1960-х гг. усиливается влияние советского научного сообщества на внешнеполитический курс Москвы. Важным советским «мозговым центром» стал основанный в 1967 г. Институт США АН СССР, который возглавил один из близких к Брежневу американистов Г.А. Арбатов. В РГАНИ имеется ряд характерных документов, которые Институт направлял в ЦК КПСС.

В аналитической записке «Влияние научно-технической революции на внешнеполитическую стратегию США» от 23 сентября 1968 г. советские американисты с тревогой отмечали отставание социалистических стран в сфере научно-технического прогресса, что ослабляло их внешнеполитические позиции. Ученые пришли к выводу, что научно-технический «фронт» холодной войны может в итоге определить ее исход, что, как думается, и произошло в действительности [6]. «Одна из особенностей современной научно-технической революции, – подчеркивалось в записке, – состоит в том, что она несет самые большие преимущества тем странам, которые достигли наиболее высокого уровня развития... Наиболее яркое проявление этого процесса – нарастающий научный, технический и экономический отрыв США от остального мира...». В записке обращалось внимание на стремление Соединенных Штатов использовать растущее научно-техническое превосходство во внешнеполитических целях. Поэтому Вашингтон все больше предпочитает делать ставку «не на чреватое риском прямое вмешательство, призванное вызвать быстрые перемены, а на долговременные процессы... – увеличивающееся научно-техническое, а, следовательно, и экономическое отставание восточноевропейских стран от Запада

(по оценкам американских исследователей, именно в этом первопричина событий в Чехословакии...). Этот процесс... должен неизбежно порождать в этих странах разочарование в социалистическом строе, создавать реальную заинтересованность в экономической и научно-технической интеграции с Западом, как более выгодной, нежели сотрудничество с СССР, и тем самым – вести к “размягчению советского блока”». Этому процессу должна содействовать политика «наведения мостов», предусматривающая расширение экономических, научно-технических и культурных связей Запада и стран Восточной Европы. Институт пришел к заключению, что США «стремятся в максимальной мере использовать свое превосходство в науке и технике в качестве орудия политической борьбы с Советским Союзом за влияние в третьих странах». В записке указывалось на несоответствие современным реалиям самих советских подходов к экономическому соревнованию с США: «Мы и сейчас исходим из того, что главным ... являются темпы промышленного роста. Американцы же считают, что ход этого соревнования будет определяться прежде всего темпами научно-технической революции». В этой связи «в борьбе с империализмом все более решающее значение приобретает плацдарм научно-технической революции, особенно острым становится вопрос значительного ускорения развития науки, техники и образования. Это – ... коренная политическая задача, от решения которой во многом зависят позиции СССР на мировой арене... и судьбы мирового социализма» [7, л. 31–55].

В РГАНИ хранятся личные фонды руководителей КПСС. Фонд 52 освещает деятельность Н.С. Хрущева. В нем имеются послания, стенограммы бесед Хрущева с делегациями и отдельными политическими и государственными деятелями зарубежных стран, интервью иностранным изданиям и другие материалы. Особый интерес представляют записки, продиктованные лично Хрущевым, затрагивающие различные аспекты внешней политики СССР. Документы фонда наглядно демонстрируют решающую роль Хрущева при принятии решений: Первый секретарь ЦК излагал свое мнение по проблеме, на основе которого готовились проекты документов. Только после одобрения Хрущева эти документы направлялись на согласование членам Президиума ЦК КПСС. В качестве примера можно обратиться к делу 601 «Материалы по лаосскому вопросу (1961–1962 гг.)» [8]. В деле находится записка, продиктованная Хрущевым, адресованная М.А. Сулову и А.А. Громыко, в которой советский руководитель высказался за нейтралитет Лаоса. Фактически поддержав американские предложения по Лаосу, Хрущев считал, что договоренность по этому второстепенному вопросу поможет Москве добиться принятия США советских предложений по Германии, после чего «у нас была бы развязаны руки для решения... тайваньского вопроса в пользу Китая» [8, л. 1–5]. Хрущев редактировал проект указаний советским послам в Китае, Северном Вьетнаме

и Лаосе. В деле имеются также продиктованные Хрущевым «Указания МИД о подготовке документа по лаосскому вопросу» [8, л. 6–9, 21–26]. В результате были подписаны Женевские соглашения по Лаосу 1962 г, которые декларировали нейтралитет Лаоса.

Содержательными и малоизученными являются материалы личного фонда Леонида Ильича Брежнева (ф. 80), который значительно богаче фонда Хрущева. Если фонд 52 включает в себя 795 единиц хранения, то в фонде 80 их 1255. Большой интерес для исследователя холодной войны представляют записи бесед Брежнева с руководителями других стран, подготовительные материалы к беседам, рукописные заметки Брежнева, информационные материалы, телеграммы и другие документы. Материалы фонда позволяют рассмотреть процесс подготовки Л.И. Брежнева к беседам с лидерами и руководителями внешнеполитических ведомств других государств, понять, с какими документами ознакомился советский руководитель.

Практически не изучены подготовительные материалы к съездам КПСС и пленумам ЦК КПСС. В то же время они содержат очень ценные сведения, касающиеся позиций по внешнеполитическим вопросам представителей высшего партийного и государственного руководства. В архиве имеется стенограмма Совещания по вопросам подготовки отчетного доклада ЦК КПСС на XXIV съезде партии с участием Брежнева, которое состоялось в Завидово 5 февраля 1971 г. Участников совещания можно условно разделить на «догматиков» и «прагматиков». «Догматик» М.В. Зимянин, главный редактор газеты «Правда», определенно высказался за идеологизацию политики СССР: «Следовало бы в тексте сказать о противоречиях двух систем... политика Советского Союза... направлена против эксплуатации, против политики США». Он предложил в докладе «учинить очередной погром блока НАТО... как системы, в которой доминируют США... как системы империализма. Сказать, почему мы против этого блока – потому что это система агрессии, возглавляемая империалистами США» [9, л. 4, 7]. «Прагматик» академик Н.Н. Иноземцев, директор Института мировой экономики и международных отношений, предложил «хотя бы вскользь, в реалистическом плане, сказать о том, что они экономически и в науке, и в технике довольно быстро развиваются, что ставит перед нами серьезные задачи... Там более высокие темпы, чем у нас» [9, л. 38].

Брежнев занимал скорее среднюю позицию, отдавая дань как прагматизму, так и идеологии. «Очень важно, товарищи, – говорил он, – как-то показать, не трафаретно, а в глубоком политическом плане, не крикливо, а по-серьезному, положение на Ближнем Востоке. Империализм все время обманывает, крутит, выкручивает руки, ноги, пытается нам голову морочить», – сетовал Брежнев [9, л. 25, 26].

Замечания членов и кандидатов в члены Политбюро, секретарей ЦК к проекту отчетного доклада показывают, что идеология по-прежнему довлекла

советскими руководителями. Член Политбюро ЦК КПСС А.Н. Шелепин предложил «более обстоятельно сказать о международном рабочем движении» [10, л. 1]. В том же ключе выдержаны замечания А.П. Кириленко [10, л. 19–26] и других членов Политбюро. Замечания министра иностранных дел А.А. Громыко показывают его внешнеполитические взгляды, которые представляли собой сплав идеологии и геополитики. Глава советской дипломатии оставался сторонником концепции «двух лагерей» периода позднего сталинизма [11, л. 86, 87]. В целом взгляд «изнутри» на советскую внешнюю политику демонстрирует идеологический догматизм и политическую негибкость большей части советского руководства.

Подготовленный для Брежнева материал к выступлению на заседании Политбюро ЦК КПСС 31 мая 1972 г. о результатах советско-американских переговоров демонстрирует ключевое желание Москвы строить отношения с США «на равной основе». «Получен выигрыш стратегического значения», – заявлял Брежнев. При этом он заверил членов Политбюро, что «мы будем продолжать качественно совершенствовать наступательное стратегическое оружие» [12, л. 32–36].

В том же деле имеется письмо политического обозревателя газеты «Правда» Ю.А. Жукова, в котором он рассказал о впечатлениях иностранных корреспондентов от московской встречи Никсона и Брежнева. Никсон, по словам Жукова, совершенно не ожидал, что встретит такого сильного и вместе с тем осмотрительного партнера по переговорам, умеющего расположить к себе собеседника и в то же время не уступить ему ни в чем существенном. В результате «Никсон попал в мягкие объятия медведя, из которых трудно вырваться. Наши партнеры, – отмечал Жуков, – оказались пленниками созданного их собственной пропагандой мифа о личности Брежнева, и когда “увидели перед собой живого человека, который умело и уверенно, с сознанием своей силы отстаивает интересы своей страны и в то же время по-человечески» располагает к себе собеседника, – были поражены”» [12, л. 131, 132].

Материалы РГАНИ значительно дополняют источниковую базу изучения советской внешней политики в 1980-е гг. Ценные документы содержат личные фонды Генеральных секретарей ЦК КПСС Юрия Владимировича Андропова и Константина Устиновича Черненко (ф. 82 и 83). В фонде 82 имеются записи переговоров Ю.В. Андропова с американцами, а также подготовительные материалы к беседам. Эти документы показывают, что в условиях новой эскалации холодной войны и нежелания администрации Р. Рейгана вести конструктивные переговоры по ограничению ядерных вооружений, советское руководство настойчиво искало варианты выхода из тупиковой ситуации. Новый советский лидер убеждал американцев в необходимости «остановить бесконтрольное раскручивание гонки вооружений, прийти... к взаимоприемлемым договоренностям,

которые, не ущемляя интересов ни одной из сторон, строго основывались бы на принципе равенства и одинаковой безопасности» [13, л. 22]. «Мы считаем, что гонка вооружений бессмысленна, пора ее прекратить», – заявил Андропов делегации сенаторов США, которую принял 18 августа 1983 г. [13, л. 113]. Во время беседы 15 ноября 1982 г. с вице-президентом США Дж. Бушем, прибывшим на похороны Л.И. Брежнева, Андропов указывал, что накопленный за долгие годы запас прочности в отношениях Москвы и Вашингтона «сейчас оказался почти полностью растроченным», происходит «эрозия продуктивного слоя советско-американских отношений... Неотложная задача дня – прервать этот разрушительный процесс». Новый советский лидер высказывался за расширение круга проблем, «по которым наши две страны вели бы переговоры, обменивались мнениями, консультировались». Он заверил, что СССР стремится к добрым, стабильным отношениям с США, что способствовало бы оздоровлению международной обстановки [13, л. 22, 23].

2 июня 1983 г. во время встречи с известным американским политиком и дипломатом А. Гарриманом Андропов охарактеризовал линию администрации Рейгана как исключительно вредную. «На что... ориентирована линия нынешней администрации в отношениях с Советским Союзом? – рассуждал Генеральный секретарь. – Говоря кратко, на две вещи: на получение военного превосходства и на нанесение нам как можно большего ущерба». Андропов определенно дал понять, что на односторонние уступки СССР не пойдет [13, л. 33–36, 43]. В беседе с американскими сенаторами советский лидер обращал внимание, что «у нашей гибкости есть свои пределы: они диктуются интересами безопасности Советского Союза, безопасности наших союзников. Рассчитывать на односторонние уступки с нашей стороны в ущерб этим интересам никому не советуем». Указывал Андропов и на недопустимые приемы западной пропаганды: «Не надо изображать дело так, что одни бомбы и ракеты страшные, а другие – вполне приемлемые» [13, л. 115]. Сенаторам Ю. Андропов указал и на новую «грозную опасность» – распространение гонки вооружений на космос: «Мало того, что наша планета уже перенасыщена ядерным и прочим оружием, хотят напичкать им еще и космическое пространство. Сегодня, видимо, не все отдают себе отчет в последствиях этого...». Андропов предлагал сенаторам «договориться о полном запрете испыта-

ний и развертывания любого оружия космического базирования для поражения объектов на Земле, в воздушном и космическом пространстве. Далее, мы готовы самым радикальным образом решить вопрос о противоспутниковом оружии – договориться о ликвидации уже имеющихся противоспутниковых систем и запрещении создания новых» [13, л. 117].

Заключение. Подводя итоги, стоит отметить, что документы РГАНИ позволяют исследователю вырваться за рамки изучения только традиционных дипломатических документов (записи переговоров, ноты, внутренняя дипломатическая переписка). Перед нами уникальное собрание архивных источников различного происхождения, комплексный анализ которых позволит представить «объемный» взгляд на историю холодной войны, рассмотреть не только ее политическое, но и военно-стратегическое, экономическое, технологическое, культурное и другие измерения. Едва ли не впервые исследователи получают возможность в опоре на широкую документальную базу изучать внутреннюю «кухню» процесса принятия внешнеполитических решений в СССР в данный период. Широкий географический охват документов создает дополнительные возможности для написания глобальной истории холодной войны.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10179, <https://rscf.ru/project/22-78-10179/>

Литература

1. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). – Ф. 2. Оп. 3. Д. 265.
2. РГАНИ. – Ф. 3. Оп. 23. Д. 117.
3. РГАНИ. – Ф. 3. Оп. 12. Д. 1002.
4. РГАНИ. – Ф. 5. Оп. 60. Д. 468.
5. РГАНИ. – Ф. 5. Оп. 64. Д. 37.
6. Юнгблюд, В.Т. Торгово-экономические и научно-технические связи США и СССР в годы разрядки (Обзор российских исследований 1972–2022 гг.) / В.Т. Юнгблюд, Д.В. Ильин // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2023. – Т. 67, № 3. – С. 116–129.
7. РГАНИ. – Ф. 5. Оп. 60. Д. 468.
8. РГАНИ. – Ф. 52. Оп. 1. Д. 601.
9. РГАНИ. – Ф. 80. Оп. 1. Д. 90.
10. РГАНИ. – Ф. 80. Оп. 1. Д. 96.
11. РГАНИ. – Ф. 80. Оп. 1. Д. 91.
12. РГАНИ. – Ф. 80. Оп. 1. Д. 794.
13. РГАНИ. – Ф. 82. Оп. 1. Д. 36.

Поступила в редакцию 21.04.2023